

© 2008 г. В. В. ПЕНСКОЙ*

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV–XVI ВЕКАХ: КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Российское государство, завершив процесс внутренней консолидации, с начала 90-х гг. XV в. перешло к внешней экспансии, которая успешно развивалась вплоть до конца 60-х гг. XVI в. Московским государям удалось присоединить к своим владениям не только Поволжье с расположенными там осколками Золотой Орды – Казанским и Астраханским ханствами и поставить в зависимость от себя Ногайскую Орду, но и отторгнуть у Великого княжества Литовского широкую полосу приграничных земель с целым рядом крупных городов. Эти грандиозные успехи можно объяснить прежде всего тем, что военный потенциал Российского государства превосходил тот, которым обладали его главные противники и конкуренты в борьбе за доминирование в Восточной Европе. Согласно американскому политологу и социологу С. Хантингтону, «военная мощь имеет четыре измерения: количественное – количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – способность и желание общества эффективно применять военную силу»¹. В центре внимания настоящей статьи первое, количественное измерение военной мощи.

В принципе нет сомнений в том, что великий князь Иван III и тем более его преемники располагали силами значительно большими, нежели те, что были под рукой у Дмитрия Ивановича Донского или Василия I Дмитриевича. Однако насколько велики были рати, которыми располагали последние Рюриковичи, восседавшие на московском престоле, какова была общая численность вооруженных сил Российского государства в целом и в отдельных кампаниях в частности? Вопрос этот важен, и попытки вычислить примерную численность московских ратей во времена правления Ивана III и Василия III предпринимались историками неоднократно на протяжении уже более чем 100 лет². Однако разброс оценок общей численности русского войска поражает – от 50 до 300 тыс., и это свидетельствует о крайней сложности проблемы. Последняя работа М.М. Крома, несмотря на широкий круг привлеченных источников, не дает исчерпывающих ответов на все возникающие вопросы³.

Все источники, откуда можно почерпнуть информацию относительно как общей численности русской армии, так и количества войск, участвовавших в отдельных кампаниях конца XV – начала XVII вв., хорошо известны, и они могут быть разделены на несколько основных групп. Наиболее точную информацию должны содержать разрядные записи. Однако, как пишут специалисты, «оригиналы, подлинники "служебных книг" (к которым и относились разрядные книги. – В.П.) не сохранились, так как погибли в результате стихийных бедствий (пожары в Москве в 1571 г., 1626 г. и др.) или

* **Пенской Виталий Викторович**, доктор исторических наук, доцент Белгородского государственного университета.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых проект МД-1685.2005.6 и внутривузовского гранта Белгородского государственного университета, 2007 г.

были сожжены при отмене местничества в 1682 г.»⁴. В распоряжении историков на данный момент имеются сокращенные редакции подлинных разрядов или сделанные по инициативе частных лиц выписки из них, в которых фиксировалось прохождение службы предстателями определенных боярских или дворянских родов. Естественно, что при переработке текстов разрядов в первую очередь выпадали сведения о численности войск, так как они не несли ценной для разрешения местнических споров информации.

Немногим могут помочь историкам и летописи. Московских летописцев и книжников мало интересовали такие суетные, земные вопросы, как численность великокняжеских ратей. Это дело государевых дьяков и приказных, дело сугубо мирское. Для летописца характерен другой подход: он уверен, что ничто в этом мире не происходит помимо воли Божией, а для исполнения Божественного замысла численность войска не имеет значения. На войне «пожежнет един тысящу, а два двигнета тму, аще бы не Бог отдал и Господь предал»⁵. Это несущественная деталь, которую можно опустить без ущерба для основного замысла. Неслучайно отрывочные данные о численности войск и о проблемах, связанных с их снабжением, сохранились в периферийных по отношению к московской псковской и новгородской летописных традициях, носивших несколько более «приземленный» характер.

Иностранные источники не могут дать точных цифр численности русского войска. Сведения иностранных послов нельзя считать достоверными. Естественно, в Москве знали, что всякий посол помимо прочих обязанностей должен был заниматься и сбором информации о государстве, в которое он послан, в том числе сведений о его военном потенциале. Принимая иностранных послов, чиновники московского правительства стремились продемонстрировать свою силу для того, чтобы произвести необходимое впечатление – или положительное как могучего потенциального союзника, или негативное как опасного неприятеля. И в том и в другом случае русским было выгодно преувеличить свои силы и, допуская утечку информации, они делали это вполне сознательно, позволяя иностранцам увидеть или услышать то, что им, русским, было выгодно.

Не стоит также доверять и сведениям о численности московских ратей, которые содержатся в иностранной дипломатической переписке, хрониках и в публицистике того времени (например, в «Правдивом описании, как был завоеван и захвачен московитом великий купеческий город, что в Литве», «Правдивой и страшной газете про ужасного врага Московита», «Точном описании великого и могучего похода московита на Полоцк» и т.п.⁶). Большинство из них так или иначе имели ярко выраженную пропагандистскую окраску и рисовали московитов как неисчислимые орды диких варваров, противостоящих всему цивилизованному миру. С чрезвычайной осторожностью следует относиться к сообщениям, содержащимся в реляциях с полей сражений. Преувеличение численности неприятельских войск, с одной стороны, служило возвеличанию победителей, а с другой – оправданием в случае поражения. Эти реляции были в той или иной степени инструментом ведения идеологической войны.

Отрывочные сведения, разбросанные как в русских, так и в зарубежных источниках, с трудом поддаются корреляции, в частности потому, что, как совершенно справедливо заметил А.А. Зимин, летописи и разрядные росписи касаются войск, участвовавших в одной кампании, а иностранцы, как правило, говорят о численности армии в целом⁷. Таким образом, приходится констатировать, что до тех пор, пока не будут введены в научный оборот новые источники, вряд ли вопрос о численности русского войска в конце XV – начале XVII вв. получит удовлетворительное разрешение. Однако, признавая невозможность в настоящее время вывести *точные цифры*, тем не менее я полагаю, что все-таки существует возможность определения *некоторых рамочных ограничений*, за пределами которых предлагаемые цифры могут быть признаны нереальными.

Определяя эти рамки, я исходил из ряда условий. Во-первых, численное превосходство само по себе является одним из важнейших компонентов успеха при ведении боевых действий. Конечно, лучше всего побеждать «не числом, а умением», но еще лучше

побеждать «и числом, и умением», и истинное искусство полководца и политика заключается именно в том, чтобы в нужное место и в нужное время иметь больше солдат, чем противник. Вне всякого сомнения, московские государи и их воеводы хорошо осознавали это. Следовательно, принимая во внимание схожее устройство вооруженных сил Российского государства, Великого княжества Литовского и, в несколько меньшей степени, Крымского и Астраханского ханств, можно с высокой степенью уверенности предположить, что успешная экспансия Москвы на протяжении без малого 3/4 XVI столетия во многом была обусловлена численным перевесом над своими основными противниками.

Во-вторых, следует согласиться с мнением Крома относительно того, что численность русского войска на протяжении XVI в. изменялась, причем в довольно широких пределах⁸. Связано это было с общим развитием страны, изменением численности ее населения, территории и экономических характеристик. Теоретически можно допустить, что с конца XV в. до начала 40-х гг. XVI в. шел непрерывный рост численности русского войска. Именно в это время произошли важные перемены в структуре московского войска. Прежняя система, которая предполагала наряду с выставляемыми князьями и боярами отрядами служилых людей «земское» ополчение, к этому времени была практически полностью заменена на профессиональную конную поместную милицию, выступавшую в поход «конно, людно и оружно». Ее отряды дополнялись контингентами, выставляемыми вассальными татарскими князьями и инородцами, а также мобилизованными с «земли» пищальниками и несшими вспомогательную службу пососными. Затем, в 1540-х – начале 1550-х гг. в результате внутренних неурядиц, связанных с борьбой боярских родов за власть при малолетнем Иване IV, поместная милиция пережила период упадка. Ослабление военной мощи государства, очевидно, во многом обусловило проведение правительством Ивана IV в 1550-х гг. серии военных реформ. Эти реформы обеспечили успешное завершение покорения Поволжья и столь же успешное проведение 1-го этапа Ливонской войны. Однако во второй половине 1560-х гг. и в особенности в 1570-х гг., в условиях внутреннего политического, социального и экономического кризиса и тяжелой войны, которую пришлось вести по меньшей мере сразу на 2 фронта, боеспособность поместной милиции и уровень военной мощи стали падать⁹. В конце 80–90-х гг. XVI в., видимо, удалось в значительной степени преодолеть последствия кризиса последних лет царствования Ивана Грозного. Об этом косвенно свидетельствуют успешные действия против крымских татар в 1591 г., столь же удачная война со Швецией, активизация попыток закрепиться на Северном Кавказе и Прикаспии и заключение 20-летнего перемирия с Речью Посполитой.

В-третьих, существуют определенные логистические проблемы, без решения которых успех предпринятого похода невозможен. Восточноевропейский театр военных действий существенно отличался от западноевропейского. Незрелость инфраструктуры, редкое и малочисленное население, скудные ресурсы – все это ограничивало возможности действий крупных воинских соединений без отлаженной системы снабжения. Большим армиям воевать на востоке Европы по принципу «война кормит войну» было крайне сложно¹⁰. При этом нормы обеспечения солдата продовольствием должны были быть приблизительно одинаковыми в любой армии. Как показывает сравнение имеющихся данных по армиям востока и запада Европы, на протяжении столетий нормы выдачи продовольствия на одного солдата колебались незначительно. Так, в Западной Европе ежедневная норма выдачи провианта составляла в XVI – XVII вв. около 1 кг хлеба, 0,5 кг мяса, 2 литра пива на солдата. В 20-х гг. XVIII в. французскому пехотинцу полагалось ежедневно 1 кг хлеба, 0,5 кг мяса и 0,5 кг овощей. Солдаты-каролинцы в начале XVIII в. могли рассчитывать ежедневно на 2 фунта хлеба и 0,7 фунта мяса. В русской армии приказом по военному ведомству за № 346 от 9 ноября 1899 г. сутодача составляла на рядового солдата 1 фунт мяса и 2,5 фунта хлеба. Л.В. Милов приводит данные, что русский крестьянин в среднем потреблял 24 пуда ржи в год – т.е. чуть больше 1 кг в день¹¹.

Можно предположить, что вряд ли в русском войске нормы выдачи провианта существенно отличались от западноевропейских и также оставались практически неизменными на протяжении рассматриваемого периода. Известно, что в начале 1570-х гг. ратник Ивана Грозного получал от казны во время военной кампании 0.4 фунта толокна ежедневно: «А что велено вятчаном быть на берегу, и бояром приготовить велеть на Коломне, в Серпухове, в Колуге запасы государева на девятьсот человек сухарей 1 350 чети, на человек по три осмины на три месяца, да круп овсяных 135 чети, да толокна тоже на три месяца же на десеть человек по осмине круп да по осмине толокна на месяц»¹². Скорее всего, близкие к этой норме положения действовали и в более ранний период.

Пытаясь определить те рамки, в пределах которых могла находиться численность московского войска в конце XV – первой половине XVI вв., я, используя данные нарративных источников, опираюсь на цифры участников отдельных военных кампаний. Следующим шагом стало определение того максимума сил, которыми располагали Иван III и в особенности Василий III. На мой взгляд, по меньшей мере в двух случаях источники позволяют представить примерную численность войск, действовавших в ходе одной кампании на одном стратегическом направлении. В Псковской Первой летописи под 7009 (1501) г. записано, что в преддверии очередной войны с ливонцами великий князь прислал «воевод своих князя Василья Васильевича Шуиского и со князи, и с помещики с новгородскими, и с людьми своими, и со всею ратною приправою, и в другую неделю приехал князь Данилеи Пенка и с тверицы, и со всею силою своею и жили во Пскове три недели, а псковичам много протори, овса сто зобниц, а сена сто стогов, да тои проторы, кое на колачи, кое на хлебы, 25 рублей на один день»¹³. Данный текст можно понять так, что ежедневно на содержание войска великого князя псковичи расходовали 25 руб. на провиант для ратных людей и на фураж для их боевых и вьючных коней пополам овса и сена 100 зобниц и 100 стогов. При перерасчете средств, затраченных на закупку хлеба для ратных людей, на сутодачи по нормам обеспечения солдат провиантом в Новое время получается, что псковичи ежедневно расходовали хлеба приблизительно на 14.5 тыс. человек. Такая цифра получается, если принять во внимание, что в псковской зобнице насчитывалось 14 пудов ржи, в пуде 40 гривенок-фунтов, стоимость зобницы ржи в Пскове двумя годами ранее составляла 36 денег, а в рубле было 100 денег¹⁴.

Данная цифра существенно отличается от той, что приводит К.В. Базилевич¹⁵. По его расчетам выходит, что в Псков прибыли 5 тыс. ратных людей. Если слова «со всею силою своею» понимать так, что под знамена великого князя было призвано большинство служилых людей двух земель, то трудно представить себе, что 5-тысячная рать это и есть вся сила новгородская и тверская. Новгородско-тверское войско в 14.5 тыс. человек выглядит более правдоподобным. Такое войско, действительно, представляло серьезную силу, способную не только удержать ливонцев от вторжения в псковские пределы, но и нанести сильный контрудар по неприятелю. Силы противника были, видимо, значительно меньше. Если верить Б. Рюсову, то магистр Ливонского ордена Вольтер Плеттенберг в кампанию 1501 г. выставил 4 тыс. всадников с «порядочным количеством ландскнехтов и крестьян и с несколькими полевыми орудиями». Далее он сообщал, что «в августе 1502 года все ливонские сословия снова ополчились и выступили в поход с 2 000 всадников, и 1 500 немецких служивых людей пехоты, и несколькими сотнями крестьян, и несколькими полевыми орудиями»¹⁶.

Сложнее определить число коней, которыми располагала русская рать, однако и здесь не согласимся с рассчитанной Базилевичем цифрой в 5–5.5 тыс. голов. Согласно приводимым Миловым данным, в русских помещичьих имениях XVIII в. рабочие лошади получали ежесуточно в среднем от 8 до 12 кг сена и 1.3 кг чистого вейнного овса в сутки. Шведские гарнизоны в Прибалтике в начале XVIII в. в день получали на каждую лошадь 8 кг сена и 1.3 кг овса. Те же 1.3 кг овса в день на лошадь получают, исходя из нормы выдачи овса на роту Георга Фаренсбаха в 1571 г.¹⁷ Эти нормы вовсе не кажутся заниженными, учитывая тот факт, что русская иррегулярная конница к тому

времени в значительной степени пересела на неприхотливых и нетребовательных к качеству корма ногайских коней. «У них (у татар. – П.В.) много лошадей, которые имеют выпнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносят голод и труды и питаются древесными ветвями, корой и кореньями трав, которые вырывают копытами из земли», – писал С. Герберштейн¹⁸. Касясь объемов ногайской торговли лошадьми, В.В. Трепавлов отмечал, что «масштабы конского импорта из-за Волги в XVI–XVII вв. были столь внушительны, что создается впечатление, будто словом «конь» обозначались только лошади ногайской породы»¹⁹. Таким образом, исходя из известных норм выдачи фуража лошадям, можно предположить, что псковичам пришлось довольствоваться 23–27 тыс. лошадей. Именно такая цифра получается, если принять вес зобницы овса как меры объема приблизительно на 1/3 больше, чем зобницы ржи и при весе стога сена в 200 пудов²⁰. Вторая цифра даже предпочтительнее, если учесть требование к служилым людям выступать в дальний поход «о дву конь».

Второй случай, когда, на мой взгляд, можно примерно определить численность московского войска, относится к Стародубовской войне. Зимой 1534 г. большой контингент вторгся на территорию Великого княжества Литовского и подверг его опустошению. Одна рать под началом 10 воевод выступила из Смоленска, другая, также под началом 10 воевод, – из Опочки, а третья во главе с 4 воеводами из Стародуба. «Жгучи, воюючи, и секучи, и в плен емлючи», воеводы и их ратники, практически не встречая сопротивления, «все здравы, с великим полоном» вернулись в первых числах марта 1535 г. домой²¹. Кром доверяет показаниям пленного луцкого сына боярского Василия Хруцова, который при допросе сказал, что «войска новгородского и псковского было с князем Борисом Горбатым пятьдесят тысяч»²², а общую численность русских войск в этой кампании оценивает в 110–120 тыс. воинов²³.

Однако такая цифра представляется серьезно завышенной. Во-первых, исследователь основывался главным образом на показаниях пленного помещика. Между тем показания пленных, тем более рядовых, внушают сомнения хотя бы потому, что пленные, во-первых, плохо представляли себе общую обстановку в целом на театре военных действий, а во-вторых, нет никаких гарантий, что они намеренно преувеличивали или приуменьшали численность «своих», стремясь или угодить допрашивающему, или хотя бы таким способом нанести вред противнику. Во-вторых, представляется маловероятным, что северо-западные русские земли могли выставить в поход такое количество ратных людей. Вряд ли возможно, что всего за 30 лет численность выставляемых этими землями воинских контингентов более чем удвоилась, если взять за основу выведенную ранее цифру в 14,5 тыс. воинов (не говоря уже о 5 тыс. служилых людей Базилевича).

Приводимое Кромом свидетельство королевского секретаря Н. Нипшица о 40-тысячном русском войске, вторгшемся в Литву близ ливонской границы²⁴, представляет особый интерес. На мой взгляд, нет оснований не доверять свидетельству королевского секретаря. Это не победная реляция с поля сражения, не памфлет или пропаганда, а деловая информация о последствиях вторжения неприятельского войска и о размерах ущерба, предназначенная для выработки комплекса мер для ликвидации последствий этого вторжения. Преувеличивать или приуменьшать размеры армии противника в данном случае не было смысла. Написанное по горячим следам (оно датируется 5 марта 1535 г.), письмо секретаря отражало, судя по всему, действия соединенной русской рати на завершающем этапе похода, когда, по свидетельству летописи, «вышли воеводы великого князя все на Опочку, на Псковскую землю»²⁵. Следовательно, можно предположить, что под началом 20 воевод оказалось около 40 тыс. ратных людей.

Исходя из предложенной Кромом идеи о существовании зависимости между числом воевод и ратников, бывших под их началом²⁶, можно предположить, что всего в этом походе участвовало до 50 тыс. ратных людей и «кошовых» – около 40 тыс. на смоленском и опочненском направлениях и до 10 тыс. на стародубовском. Действовавшее тремя корпусами на трех стратегических направлениях 50-тысячное войско, учитывая характер самого похода, предпринятого для опустошения неприятельских владений и по-

тому состоявшее преимущественно из конницы и посаженных «на-конь» немногочисленных пищальников, выглядит более близким к истине, чем «тьмочисленная» более чем 100-тысячная рать.

В летней кампании 1535 г. русское войско снова действовало тремя корпусами – одна рать под началом 15 воевод стояла «на Берегу», ожидая вторжения татар, другая, с 4 воеводами, отправилась в Опочку прикрывать действия воеводы Ивана Бутурлина, получившего задачу поставить крепость на озере Себеж. Третья рать под началом 11 воевод, двинулась «воевать» литовский город Мстиславль²⁷. Таким образом, Москва выставила в эту кампанию армию под началом не меньше чем 30 воевод. И если зимний поход 1534–1535 гг. потребовал серьезного напряжения сил Российского государства²⁸, то летняя кампания 1535 г. потребовала еще больших усилий. Судя по всему, для участия в последней была мобилизована большая часть тех сил, которыми располагала к тому времени Москва – до 70 тыс. ратников и «кошовых».

Таким образом, можно попытаться представить те рамки, в которые укладывались мобилизационные возможности Московского государства в начале 30-х гг. XVI в. Если исходить из предположения Ю.Г. Алексеева, который отмечал, что 1 всадник поместной милиции выставлялся с 10 крестьянских дворов²⁹, а в стране насчитывалось не менее 100 тыс. крестьянских поселений с числом дворов около 400–500 тыс.³⁰ и из них до половины принадлежали черносошным или церковно-монастырским крестьянам, то получается, что всего поместная милиция составляла около 20–25 тыс. человек. Приняв в качестве средней цифры, что каждый помещик выступал в поход, имея с собой, как минимум, 1 послужильца и 1 вооруженного «кошового» (Хруцов, попавший в плен, говорил, что было «нас, детей боярских, девеносто голов, а всех нас з нашими людьми триста»³¹), получаем, что всего поместная милиция насчитывала по оптимистическим оценкам не более 60–75 тыс. человек.

Интересно сравнить эти цифры с теми данными, что приводит в своем письме А. Кампензе. По его сообщению, в 20-х гг. XVI в. Василий III мог полагаться на 15 тыс. всадников, что выставляло Рязанское княжество, 30 тыс. московских всадников и 40 тыс. тверских. Если предположить, что он отразил примерное соотношение воинских контингентов, выставляемых этими землями, и принять за основу сообщаемое летописью число ратных людей, во главе которых Иван III выступил на Новгород в 1471 г. (так как Кампензе основывался на сведениях, что сообщили ему его отец и брат, долгое время жившие в России), то получается, что в сумме только 3 этих княжества могли выставить около 30–35 тыс. всадников – дворян, детей боярских и их послужильцев³².

К поместному войску нужно добавить служилых татар и прочих инородцев (на то время немногочисленных, так как Поволжье Русскому государству еще не принадлежало) и тех ратников и даточных людей, которых могли выставить города. Определить их численность сложно, но если исходить из норм «разруба», что были приняты в Новгороде и Пскове на то время, то города могли выставить (принимая оптимистическую оценку численности дворов в них около 30 тыс.³³), около 10 тыс. ратных людей. Таким образом, русская армия в первой половине XVI в. могла насчитывать до 90 тыс. или немногим более воинов, не считая посохи.

Представляется, что это тот максимум, на который можно было рассчитывать Василию III или Ивану IV в 30–40-х гг. XVI в. Анализ состава войска, выставленного в зимний поход 1535 г., показывает, что в нем приняла участие основная масса помещиков, за исключением великокняжеского двора и оставленных внутри страны для несения осадной службы. Вряд ли в нем участвовали и «срубленные» с городов пищальники, и многочисленная посоха – учитывая характер похода, войско было конным, а значит не имело «наряда», большого обоза и многочисленной пехоты. Следовательно, отмеченные 50 тыс. воинов – это большая часть московского войска на то время, преимущественно поместная милиция, но не вся.

Указанная цифра на фоне сведений иностранцев о «тьмочисленном» московском войске, которым якобы обладали русские государи в XVI в., возможно не впечатляет, но это значительно больше, чем те 1.5 тыс. воинов, с которыми Василий II вступил в

сражение с татарами 7 июля 1445 г. под Суздалем, или 5-тысячная рать, что была послана Василием против Новгорода в 1456 г., или 12-тысячное войско, отправившееся во главе с Иваном III на Новгород в 1471 г.³⁴ Полученные числа указывают на войско большее, чем могло выставить против Москвы Великое княжество Литовское. Так, перепись ратных людей в Литве, проведенная в 1528 г., дала цифру в 19 858 «коней», т.е. конных воинов, не считая пехотинцев-драбов. Спустя почти 40 лет, в 1567 г., великий князь литовский Сигизмунд II Август смог собрать с литовских земель «посполитое рушение» общей численностью 27 708 человек конницы и 5 588 пехотинцев-драбов³⁵. Сравнивая эти цифры и численность русской рати в зимнем походе 1535 г., становится понятным, почему в противостоянии с Москвой и Сигизмунд I, и Сигизмунд II делали ставку не столько на силовое разрешение конфликта, сколько на дипломатическую игру.

Для второй половины XVI в. надежной точкой отсчета как общей численности московского войска, так и численности ратей, участвовавших в отдельных походах, могут служить разрядные записи о Полоцком походе 1562/63 гг. – первые сохранившиеся росписи, в которых указано более или менее точное количество ратных людей, принявших участие в походе. При анализе материалов «Записной книги Полоцкого похода», разрядных записей и летописных свидетельств создается впечатление, что этот поход носил характер общегосударственного мероприятия, сопровождаемого чуть ли не тотальной мобилизацией служилых людей. Учитывая зимний характер похода, на «Берегу» войск практически не было, и внутри самой страны оставались, судя по всему, лишь небольшие гарнизоны. Все же остальные силы собирались на западной и северо-западной границах для похода на Литву. Сборными пунктами для собиравшихся отрядов ратных людей названы Можайск, Калуга, Ярославль, Кременск, Верей, Вышегород, Боровск, Руза, Звенигород, Волок, Погорелое Городище, Зубцов, Ржев, Холм, Молвятицы, Псков, Вязьма. Под знамена великого государя становились дворяне и дети боярские Северо-Запада, Северной земли, Поволжья, Москвы, Замосковского края³⁶, служилые татары, мордва, черемисы – практически все уезды с развитым помещичьим землевладением отметились в этом походе. К походу привлекались также казаки, стрельцы и в небольшом количестве даточные люди с Севера («вполы» от нормы) – с остальных уездов их не собирали. Также в небольшом количестве мобилизовались служилые люди митрополита и некоторых архиереев и, судя по всему, посоха с Новгорода и Пскова.

О значительном размахе похода свидетельствует и крайне редко встречающееся количество полков – Государев, Большой, Правой руки, Передовой,левой руки, Сторожевой, большой, средний и малый наряд, Ертоул. Во главе войска стояло множество воевод – помимо самого государя и его брата Владимира Андреевича, двоих татарских царей и четверых царевичей, а также черкасского князя Василия, в походе участвовали 22 воеводы (20 в полках и при наряде и 2 дворовых). Таким образом, в походе приняла участие большая часть всех вооруженных сил России. Следовательно, размах Полоцкого похода позволяет представить себе приблизительно общее число московских ратных людей на подъеме могущества Москвы на первом этапе Ливонской войны.

Итак, согласно «Записной книге Полоцкого похода», разрядной повести о Полоцком походе и летописным свидетельствам получается, что в походе участвовали (круглым числом) 17,5 тыс. или немногим больше дворян и детей боярских, 6 тыс. казаков, 5,5 тыс. татар, мордвы и черемисов, 1,1 тыс. даточных, 12 тыс. стрельцов и 81 тыс. посошных людей³⁷. Если к этому добавить неопределенное количество послужильцев и кошовых, что выставляли с собой дети боярские, то, действительно, получается «тмочисленная» рать – никак не меньше 150 тыс. человек. Кром приводит несколько меньшую цифру – 110–120 тыс. В своих расчетах он использовал помимо всего прочего сведения некоего анонимного немецкого автора о наличии в войске Ивана Грозного 46 тыс. крестьян, тянувших артиллерию и занятых дорожными и саперными работами³⁸. Кроме того, он принял во внимание мнение П.П. Елифанова относительно соотношения числа детей боярских и их послужильцев: «Можно утверждать... что русская

конница XVI в. по крайней мере наполовину состояла не из дворян, а из сопровождавших их в походе военных слуг, "боярских людей"». Это соотношение вычисляется на основе данных десятен: согласно, например, каширской десятне 1556 г. оно составляло округленно 1 к 1,6, а коломенской 1577 г. – 1 к 1,3³⁹. Но и в том, и в другом случае перед изумленными европейцами вырисовывалась действительно внушающая ужас картина нашествия нового Аттилы, «Бича Божьего», во главе многочисленного, «аки пружи», войска, опустошающего все на своем пути.

Однако при углубленном анализе источников встает целый ряд вопросов. Если число дворян и детей боярских, татар и казаков в целом не вызывает сомнений, равно как и даточных (суммарно 30 тыс. человек), то в отношении других категорий ратных людей сомнения остаются. Не совсем понятно, почему Кром берет на веру сведения летописи о 12 тыс. стрельцов⁴⁰, когда в разрядных материалах и в той же летописи поименно перечислены имена стрелецких голов – общим числом 10. И поскольку Стрелецкий приказ на то время насчитывал по штату, судя по всему, 500 стрельцов, получается, что в походе приняли участие около 5 тыс. стрельцов – более чем в 2 раза меньше, чем в летописи⁴¹.

Возникает закономерный вопрос о числе послужильцев. И Кром, и Епифанов исходили из сведений, которые сообщает каширская десятня 1556 г. Однако делать выводы о том, сколько боевых слуг имел в среднем сын боярский в начале 1560-х гг. только по одной десятне, к тому же датированной 1556 г., т.е. временем, когда Уложение 1556 г. о службе в лучшем случае еще только начало действовать, на мой взгляд, неправомерно. Если в начале 30-х гг. XVI в., т.е. сразу после смерти Василия III, сын боярский мог выставить в поход двоих боевых слуг, то какой смысл в реформе 1556 г., если она не позволяла вернуться к этой норме? Сведения о служилых людях Государева полка, сохранившиеся в так называемой Боярской книге, показывают, что в среднем каждый служилый человек выступал в поход, имея с собой четверых вооруженных всадников, не считая «кошовых». Поэтому можно предположить, что в Полоцком походе каждый сын боярский выступал в поход имея в среднем 2 послужильцев «в тегиляех в толстых, и в шеломех, и в шапках, на конех» и как минимум 1 «кошового» «с юкы».

Не все ясно и с численностью посохи. Если взять за основу цифры Псковской летописи, то 80 900 посошных людей должны были полностью опустошить казну Ивана Васильевича. Ведь согласно летописным свидетельствам пеший посошанин получил 2 руб. жалования, а «коневник» – 5 руб.⁴² Таким образом, только на жалование посошным должно было уйти почти 165 тыс. руб. А ведь еще жалование полагалось стрельцам, казакам, детям боярским! Сомнение вызывают и данные анонимного немецкого автора, использованные Кромом, так как неизвестны источники его информации. Явно он не видел подлинных разрядных росписей и, скорее всего, не был очевидцем событий, а руководствовался теми сведениями, что предоставили ему литовские, польские и ливонские информаторы, а уж они-то постарались расписать в лучших красках картину апокалиптического нашествия варваров с востока на несчастных литвинов⁴³. К тому же стоит отметить, что русские источники о походе прямо говорят, что земляные работы и воздвижение туров было возложено на детей боярских и их послужильцев⁴⁴. Поэтому есть все основания полагать, что цифра в более чем 80 тыс. посошных явно преувеличена. Возможно, что столько крестьян приняли участие в подготовительных работах на северо-западном направлении (возведение и ремонт мостов, исправление дорог и гатей и проч.), начиная с осени 1562 г. В самом же походе участвовало намного меньше людей – можно предположить, что речь идет о простой описке и вместо «80000» и «900» (цифрью) стоит читать «8000» и «900», что выглядит намного более правдоподобно.

Исходя из этих предположений, можно попытаться определить, сколько же реально ратных людей мог иметь Иван IV под Полоцком: 17,5 тыс. дворян и детей боярских и примерно 30–35 тыс. их послужильцев, 5,5 тыс. татар, мордвы и черемисов, 6 тыс. казаков, 1,1 тыс. даточных, 5 тыс. стрельцов – итого максимум 70–75 тыс. «сабель и пи-

щалай» и в обозе, и при наряде еще около 25–26 тыс. человек «нестроевых»⁴⁵. Очевидно, что это практически тот максимум сил, на который мог рассчитывать московский государь в начале 1560-х гг., при условии, что это войско будет сконцентрировано на одном театре военных действий в ходе одной кампании.

Но даже при таком раскладе полевая армия численностью 70–75 тыс. воинов представляется весьма грозной силой – для XVI в. не всякий государь мог похвастать, что в случае необходимости он мог выставить в поле «здесь и сейчас» столько боеспособных, опытных профессиональных воинов. Можно предположить, по аналогии с походом 1535 г., что всего русское войско в начале 1560-х гг. вполне могло насчитывать до 100 тыс. или немногим больше ратников. В свете этого становится понятным, почему Сигизмунд II не попытался разблокировать Полоцк и уклонился от решающей схватки, стремясь перенести разрешение спора с поля брани за стол переговоров. Это еще раз подтверждает, что военный механизм Московского государства в середине XVI в. был на высоте своего могущества. Система мобилизации наличных сил и средств была отработана в таком совершенстве, что, уступая Великому княжеству Литовскому и Польше в ресурсах, Иван Грозный мог выставить в поле более многочисленные и отличавшиеся высокой боеспособностью войска.

Таким образом, к началу 40-х гг. XVI в. численность московского войска достигла примерно 90 тыс. воинов, и московский государь мог, правда, ценой значительного напряжения сил, выставить в поле сразу 50 тыс. или даже более ратников. Для сравнения, в 1552 г. считавшийся сильнейшим монархом Европы римский император и король Испании Карл V, имея почти 150-тысячную армию и практически неограниченные на то время финансовые ресурсы, могли задействовать во время мецской кампании 45–50 тыс. солдат⁴⁶. Однако внутривосточная борьба 1540-х гг. привела к ослаблению центральной власти, в это время снизилась как общая численность войска (за счет оскудения помещиков), так и его боеспособность. Потребовались серьезные военные реформы, которые позволили бы поднять численность вооруженных сил и повысить их боеспособность. Можно предположить, что к началу 1560-х гг. численность русского войска составила около 100 тыс. или даже более ратных людей. Однако со второй половины 1560-х гг. начался новый спад. Критической точкой стал конец 70-х – начало 80-х гг. XVI в., когда, судя по всему, численность русского войска упала до самой минимальной отметки за весь рассматриваемый период. Приводимая С.М. Каштановым цифра в 50 тыс. ратных людей для этого периода представляется вполне реальной⁴⁷. Только в конце 1580-х гг. последовал новый подъем и, вероятно, к началу XVII в. удалось приблизиться к уровню конца 50-х – начала 60-х гг. XVI в.

Примечания

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 126.

² Историографию вопроса см.: Кром М.М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 67–68.

³ Там же. С. 67–82.

⁴ Разрядная книга 1475–1605. Т. IV. Ч. 2. М., 2003. С. 7. Анализ существующих точек зрения относительно происхождения, структуры и содержания сохранившихся списков разрядных книг см. также в последней крупной работе по этой проблеме: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 3–150.

⁵ Независимый летописный свод 80-х годов XV века // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999. С. 402.

⁶ См.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 327–330.

⁷ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 445.

⁸ Кром М.М. Указ. соч. С. 69.

⁹ Косвенным свидетельством серьезного ослабления русского войска может служить пассивность Ивана IV в последние годы Ливонской войны, когда Стефан Баторий предпринял контрнаступление. Ни в 1579 г., когда король Речи Посполитой выставил в поле 41-тысячную армию, ни в 1580 г., когда в Россию вторглась почти 48,5-тысячная польско-литовская армия, Иван не решился на полевое сражение, предпочтя пассивную оборону. Следовательно, можно предположить, что Иван IV не мог противопоставить своему противнику равноценную армию. Во всяком случае, по самым оптимистическим оценкам, в кампанию 1577 г. Иван IV

смог собрать в Пскове всего лишь около 23 тыс. ратников (См.: Разрядная книга 1475–1605. Т. II. Ч. 3. М., 1982. С. 467–476; *Frost R.J. The Northern Wars 1558–1721. L.; N.Y., 2000. P. 59.*)

¹⁰ В эту ловушку попала, к примеру, армия Стефана Батория, осаждавшая Псков. Дневник королевского секретаря ксендза Станислава Пиотровского пестрит жалобами на проблемы, вызванные отсутствием регулярного снабжения польско-литовского войска провиантом и фуражом (Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005. С. 346, 358, 361, 364, 367, 378 и далее).

¹¹ *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 153; *Беспалов А.* Сага о каролинах. Армфельт // Рейтар. 2005. № 19 (7). С. 92; *ею же.* Походная жизнь каролинской армии начала XVIII века // Рейтар. 2004. № 11 (8). С. 73; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 387–388; *Black J.* Eighteen Century Europe. 1700–1789. N.Y., 1990. P. 319; *The Thirty Year's War. L., 2002. P. 178.*

¹² Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 173.

¹³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2000. С. 85.

¹⁴ Там же. С. 83; *Шостыин Н.А.* Очерки истории русской метрологии XI – начало XX вв. М., 1990. С. 47, 267; *Фендлер Х., Гироу Г., Унгер В.* Словарь нумизмата. М., 1993. С. 292.

¹⁵ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского государства. М., 2001. С. 535.

¹⁶ *Рюсов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. 1879. С. 299–300.

¹⁷ Рассчитано автором по: *Беспалов А.* Походная жизнь каролинской армии начала XVIII века... С. 73; *Милов Л.В.* Указ соч. С. 228–231; Документы о сражении при Молодях... С. 174.

¹⁸ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 257.

¹⁹ *Трепавлов В.В.* Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI–XVII веках // Отечественная история. № 3. 2000. С. 168.

²⁰ Л.В. Милов писал, что обычная величина стога сена составляла от 100 до 300 пудов (*Милов Л.В.* Указ. соч. С. 244).

²¹ ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 82–83.

²² Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. М.; Варшава, 2002. С. 138.

²³ *Кром М.М.* Указ. соч. С. 72.

²⁴ О письме Нипшица см.: Там же. С. 72.

²⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 82–83.

²⁶ *Кром М.М.* Указ. соч. С. 69. Идея вполне логична, так как при тогдашнем уровне развития средств связи и коммуникаций управлять крупными массами войск в бою, используя только звуковые и зрительные сигналы, было сложно. Следовательно, можно с уверенностью предположить, что опытным путем были выработаны некие «нормы» количества ратных людей, которыми мог с достаточной степенью эффективности управлять один военачальник. О них можно судить, к примеру, по автобиографии и «Уложению» Тамерлана, который указывал, что под началом одного амира могло быть от 1 тыс. до 2,8 тыс. всадников – в среднем около 2 тыс. всадников. Очевидно, что в его наставлениях, основанных на традиции и на богатом военном опыте, нашли свое отражение сложившиеся к тому времени у кочевников определенные стандарты в отношении размеров самостоятельной тактической единицы, которой мог эффективно управлять один военачальник. Вряд ли, учитывая далеко зашедший к тому времени процесс «ориентализации» русского войска, также состоявшем преимущественно из конницы, «нормы» распределения бойцов на одного воеводу существенно отличались от тимуровских (См.: Тамерлан. Автобиография. Уложение. М., 2006. С. 191, 408, 413).

²⁷ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 107; Т. VIII. С. 289–290; Т. XIII. С. 85–86. Разрядные книги приводят несколько иной состав смоленской рати – 14 воевод (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 252–253).

²⁸ Пленный луцкий помещик Василий Хрущов показывал, что прежде, во времена Василия III, «не бывало, абы люди владычии, монастырские сытничие и конохи у войско ходили; теперь тым всем у войско пойти казано» (Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. С. 138).

²⁹ *Алексеев Ю.Г.* Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005. С. 292.

³⁰ История Европы. М., 1993. Т. 3. С. 118–119. Н.Д. Чечулин, к примеру, полагал, что в среднем на одну деревню в XVI в. приходилось по 4,4 двора (*Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке. М., 1889. С. 310).

³¹ Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. С. 137. Очевидно, Хрущов имел ввиду, что в отряде из 300 человек 1/3 составляли сами дети боярские, а 2/3 их послужильцы. Поэтому для начала 30-х гг. XVI в. цифра как минимум 1 послужилец и 1 «кошовый» на помещика представляется вполне реальной.

³² См.: *Каменце А.* Письмо Альберта Каменце к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 24–25.

³³ Перепись 1646 г. показала, что всего в городах России насчитывалось 31,5 тыс. дворов, принадлежащих посадским людям, и если согласиться с мнением И.М. Кулишера, что население с середины XVI в. до конца XVII в. существенно не выросло из-за потрясений, которые испытали и страна, и общество в эти годы, а только произошло его перераспределение (*Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. М., 2004. С. 256), то можно предположить, что в первой половине XVI в. число тяглых дворов скорее всего не превышало этого числа. Мобилизационные возможности русских посадов в то время не стоит переоцени-

вать. К примеру, для Пскова с его пригородами 900–1 тыс. пищальников и 3 тыс. посошных возчиков с телегами были тем пределом, который псковская община могла потянуть – запись под 7020 г. в Псковской Третьей летописи говорит, что Псков выставил для похода на Смоленск по требованию великого князя 1 тыс. пищальников, и «псковичем тот рубеж не за обычей, и бысть им тяжко вельми» (ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 259).

³⁴ Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони... С. 293; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 104–106; Т. XVI. М., 2000. Стб. 194.

³⁵ Литовская метрика. Переписи войска литовского // Русская историческая библиотека. Т. XXXIII. Пг., 1915. Стб. 1375–1381; *Zarys dziełow wojskowosci polskiej do roku 1864*. Т. I. Warszawa, 1965. S. 282.

³⁶ Полный список отоблагодарили служилых людей см.: *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 120–129.

³⁷ Рассчитано по: Там же. С. 123–129; ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 244; Т. XIII. С. 358.

³⁸ *Кром М.М.* Указ. соч. С. 69, 78–79.

³⁹ Там же. С. 78; *Епифанов П.П.* Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976. С. 342; *Сторожев В.Н.* Десятни и Тысячная книга XVI в. // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Кн. 8. М., 1891. С. 1–42; *Гуляев Е.* О детях боярских и отроках княжеских и вообще о дворянах, служивших в России до конца XVIII столетия // «Heraldica». Исторический сборник Н.В. Шапошникова. Т. I. СПб., 1900. С. 28–44.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 358.

⁴¹ См., напр.: Разрядная повесть о Полоцком походе // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 163–165, 167. Можно предположить, что летописец как человек, далекий от военных реалий и слабо разбирающийся в военной терминологии, сложил вместе всех «стрельцов» – т.е. тех, кто стреляет из луков и пищалей: государевых выборных стрельцов, казаков и даточных людей. В итоге их как раз и получается примерно 12 тыс. человек.

⁴² ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 244.

⁴³ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 329–335.

⁴⁴ См., напр.: Разрядная повесть о Полоцком походе... С. 164.

⁴⁵ На мой взгляд, включать обозных и посоху в общую численность войска неправомерно, так как тогда нужно будет считать, к примеру, число обозных и в европейских армиях того времени – маркитантов, слуг, «мальчигов», солдатских жен и проч. Их армии в таком случае также станут «тмочисленными». И если приложить к росписи воевод тамерлановские нормы распределения воинов по военачальникам, то получается, что в походе участвовало до 50 тыс. конницы да под началом своих камандиров татары, черемисы, мордва, казаки, стрельцы – около 75 тыс. ратных людей.

⁴⁶ *Parker G.* Europe in Crisis 1598–1648. N.Y., 1979. P. 70; *Tallett F.* War and Society in early modern Europe 1495–1715. L., 1992. P. 6.

⁴⁷ *Каиштанов С.М.* К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвящ. памяти А.Л. Станиславского. Тез. докл. и сообщ. М., 1991. С. 113–114.

© 2008 г. Т. Н. ЧЕРНОВА - ДЁКЕ *

ПОЗИЦИЯ И РОЛЬ А.П. ЕРМОЛОВА В СТАНОВЛЕНИИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Воссоединение Грузии (Картлийско-Кахетинского царства) с Российской империей, согласно Манифесту Павла I от 18 января 1801 г., явилось важной вехой в истории покорения Кавказа. В условиях противоборства с Турцией и Персией и подавления сопротивления свободолюбивых горских народов по мере присоединения новых территорий шло внедрение российской военно-административной системы, ставшей опорой в хозяйственном освоении региона и насаждении там российских порядков. Значительный вклад в укрепление «владычества» России в этом важном в военно-стратегическом отношении крае внес генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов (1777–1861). Один из выдающихся военных и государственных деятелей, личность неординарная и противоречивая, Ермолов за десятилетие своего правления на Кавказе заслу-

* Чернова-Дёке Тамара Николаевна, доктор исторических наук (Берлин, ФРГ).